

Суслопарова Галина Дмитриевна

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ПРАКТИКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО АВАНГАРДА

В статье рассматривается проблема развития утопических языковых проектов в литературной практике русского футуризма. Доказывается связь между манифестами А. Крученых, В. Хлебникова, В. Маяковского, Д. Бурлюка и др. с философскими установками П. Д. Успенского ("Tertium Organum. Ключ к загадкам мира") и другими теориями, связанными с относительным характером пространства и времени. Также рассматривается взаимосвязь между поэтикой указанных авторов и утопическими проектами в сфере философии и языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/2/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 160-163. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Как видим, бурятские конверсивы и антонимы вполне адекватно передаются на русском и английском языках.

Таким образом, исходя из выше изложенного, можно сделать вывод о том, что исследователь должен в равной или почти равной степени владеть как исходным, так и переводящим языками и культурой. Следует также отметить, что бурятскому языку присущи следующие черты: опущение главных членов предложения: подлежащего, сказуемого, дополнения (которые, тем не менее, весьма эксплицитны и их можно легко восстановить из предметной ситуации), местоименная замена имен существительных, своеобразные функции частей речи, несвойственные или отсутствующие в английском и русском языках, обратный порядок слов по сравнению с английским языком, своеобразие парадигматическо-синтагматических отношений, развитые гиперо-гипонимические отношения, развитая конверсность понятий, частотное употребление различных видов причастий, отсутствующих в английском языке, обилие текстосвязующих средств (наличие логико-смысловой сетки). Все это может быть передано средствами русского и английского языков, хотя требует определенных усилий. Это - с одной стороны. С другой, наряду с существенными отличиями между бурятским и английским языками, есть и сходные черты, которых нет в других языках, а именно грамматическое выражение завершенности (*Perfect*) и незавершенности действия (*Non-Perfect* или *Progressive*) и др. Упомянутые явления могут стать предметом специального исследования. Интерес представляет переводческий аспект проблемы, где можно рассмотреть подробнее особенности языковых замен в эпическом тексте для достижения эквивалентности.

Список литературы

1. Абай Гэсэр Богдо хаан. Бурядай морин ульгэр. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 1995. 522 с.
2. Молонова Л. Б. Антонимы в бурятском языке: лексико-семантический аспект (в сопоставлении с антонимами русского языка): автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008. 24 с.
3. Хундаев В. Ю. Переводческие трансформации. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН, 2008, 122 с.
4. Хундаева Е. О. Бурятский эпос о Гэсэре: связи и поэтика. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 1999. 230 с.
5. Lyons J. Structural semantics. Oxford: Blackwell, 1963.
6. Palmer F. R. Semantics. A new outline. Moscow, 1982.

CONVERISIVE AND ANTONYMIC OPPOSITIONS IN EPIC TEXT POETICS, THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN AND ENGLISH

Larisa Tsyrendorzhievna Sanzheeva

Department of Translation and Intercultural Communication
Buryat State University
lsanzhe@mail.ru

In the article the attention is paid to the functional peculiarities of semantic-stylistic means in an epic text poetics. The comparative-contrastive analysis of conversive and antonymic oppositions in the Buryat, Russian and English languages is carried out, their linguistic status and translational aspect are considered.

Key words and phrases: epos; figurative means; semantic-stylistic potential; antonyms; possibility to translate; equivalent; symmetry; transitivity and recurrence.

УДК 82.02

В статье рассматривается проблема развития утопических языковых проектов в литературной практике русского футуризма. Доказывается связь между манифестами А. Крученых, В. Хлебникова, В. Маяковского, Д. Бурлюка и др. с философскими установками П. Д. Успенского («*Tertium Organum. Ключ к загадкам мира*») и другими теориями, связанными с относительным характером пространства и времени. Также рассматривается взаимосвязь между поэтикой указанных авторов и утопическими проектами в сфере философии и языка.

Ключевые слова и фразы: лингвистическая утопия; утопия в футуризме; А. Крученых; футуризм; В. Хлебников; Р. Якобсон; П. Д. Успенский; русский литературный авангард.

Галина Дмитриевна Суслопарова

Кафедра истории русской литературы XX века
Московский государственный университет им. М. Ломоносова
gmihailova@mail.ru

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ПРАКТИКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО АВАНГАРДА[©]

Не будет преувеличением сказать, что направленность интеллектуальных исканий в литературе начала XX в. можно охарактеризовать как утопическую.

Это связано и с ощущением кризисного состояния культуры, и с предчувствием неизбежных и кардинальных перемен. Г. Шпет писал о характере русской философии: «Нет истории, которая так заботилась бы о завтрашнем дне, как русская. Поэтому русская философия - утопична насквозь» [10, с. 52-53]. Эта тенденция выходит за рамки философии и обществознания и проникает фактически во все сферы интеллектуальной деятельности. Например, в науке развивается такое направление как космизм, а в живописи разрабатываются проекты абстракционистов, утверждающих освобождение искусства от какой-либо предметности. В частности, лидер супрематизма К. Малевич писал: «Так как беспредметная истина лежит в самой природе, то, очевидно, она должна победить, ибо предмет должен обнаружить свое банкротство и крах человека в его совершенстве» [4, с. 40]. В литературе символистские идеи жизнотворчества, аргонавты А. Белого, скифство А. Блока, мистико-религиозные идеи Мережковских, а также «адамизм» акмеистов и особенно идеи новокрестьянских поэтов, связанные с сакрализацией крестьянской России, также могут быть рассмотрены в русле утопических идей начала века. Утопическая мысль этого периода также представлена в авангардных течениях, прежде всего, в футуризме. В какой-то степени это связано со спецификой этого направления, ориентированного на обновление и реорганизацию будущего. Интересно, что проекты идеального будущего не связываются здесь напрямую с социальным устройством общества. Утопическим может быть, например, восприятие человеческой природы, которая в скором времени должна вступить в новую фазу эволюционного развития (антропологическая утопия). В данной статье мы рассмотрим утопические идеи в сфере языка или *лингвистические утопии*. Здесь можно выделить два основных направления — утопические идеи, связанные с развитием языка, и утопии, которые задействуют реформу языка как необходимую в деле переустройства окружающей действительности.

Первый вид лингвистических утопий достаточно полно разработан в критических работах, посвященных русскому поэтическому авангарду. Облегчает эту работу тот факт, что манифесты авангардных поэтов подробно разъясняют их теоретическую базу в области языка. А. Крученых, например, писал о необходимости создания вселенского языка: «До сих пор утверждали: «мысль диктует законы слову, а не наоборот». Мы указали на эту ошибку и дали свободный язык, заумный и вселенский» [3, с. 50].

По мнению Крученых и других кубофутуристов, это будет возможно, благодаря освобождению слова от смысла. По их мысли, эмоциональная составляющая языка, связанная со звучанием и графическим изображением, должна составить основу языка будущего: «Мы стали придавать содержание словам по их начертательной и фонической характеристике» [Там же, с. 42]. Это, в свою очередь, приводило к таким экспериментам как эмблематическая поэзия Крученых: «Одинаковые гласные и согласные, будучи заменены чертами, образуют рисунки, которые неприкосновенны (напр.: Ш-І-І-І-Ш)» [Там же, с. 44]. Или непроизносимые «буквенные» стихи Р. Якобсона, который стремился разработать вместе с В. Хлебниковым поэзию, построенную на числовых закономерностях. В одном из писем Якобсон пишет: «Когда я спросил Вас, к чему вы пришли, ответ был - к числу. <...> Вам ведомы числа, а потому, если Вы поэзию числа признаете хотя бы неприемлемым парадоксом, но острым, попытайтесь, пожалуйста, дать мне хоть небольшой образчик таких стихов» (к письму прилагаются примеры таких непроизносимых стихов) [11, с. 294]. В целом, идеи Якобсона в области реформы языка были наиболее радикальными: его интересовали хлыстовские песни, считалки, язык сумасшедших, он исследовал семантику новой беспредметной живописи, изучал возможности сочинять стихи из чисел - неудивительно, что его особенно привлекала поэзия дадаистов.

Именно эти идеи позволили многим исследователям говорить о том, что манифесты авангардных течений во многом представляют большую художественную ценность, чем собственно их поэтическая практика. Это обстоятельство, в свою очередь, также подтверждает мысль об утопичности этих проектов.

Второе направление в разработке лингвистических утопий связано с онтологической проблематикой. О связи языка с разработкой альтернативного представления пространства и времени писала И. Сахно: «Классификация пространственно-временных отношений Бахтина-Лотмана в данном случае не применима, ибо каноны классического текста разрушаются, да и сам текст не воспринимается как текст в общепринятом смысле слова. <...> В поэзии уничтожается эмпирическое время, в котором переживается прошлое, и будущее отныне - время вспять, движение вглубь» [6, с. 262].

В качестве философско-теоретической основы русские футуристы использовали труды П. Успенского, ссылки на которого не раз встречаются в их манифестах: «В настоящий момент у нас есть три единицы психической жизни: ощущение, представление, понятие (и идея), и начинает образовываться четвертая единица — «высшая интуиция» (Tertium Organum П. Успенского)» [3, с. 50]. Сахно отмечает, что русские авангардисты заимствовали у философа идею «психической эволюции», направленной на раскрытие интеллектуального и нравственного потенциала человека. Успенский писал: «Новая, высшая раса быстро образуется среди человечества и выделяется своим совершенно особенным пониманием мира и жизни. Признак людей новой расы — это *новое сознание и новая совесть*» [7, с. 409].

Целью же подобной эволюции должна была стать возможность осознания бытия в его целостной многомерной структуре. Философ считал, что время и пространство не являются изначально присущими миру, это мы придаем миру эти формы в процессе познания. И то, что мы воспринимаем как время, на самом деле является пространством четвертого измерения, которое мы в силу своей природы не можем осознать. Именно в проникновении в это четвертое измерение философ видел цель психической эволюции. Для нас здесь важно то, что средством для этого он считал язык: «Все, что говорится о новом понимании временных отношений, поневоле выходит очень туманно. Это происходит потому, что *наш язык совершенно не приспособлен для пространственного выражения временных понятий. У нас нет для этого нужных слов, нет нужных глагольных форм.* <...> Язык для передачи новых временных отношений должен быть языком без глаголов» [Там же, с. 166].

О прямом заимствовании кубофутуристами идей П. Успенского свидетельствуют их манифесты. Например, в манифесте «Новые пути слова» Крученых прямо ссылается на его труды. Кроме того, в «Декларации слова как такового» он излагает взгляды Н. Кульбина, считавшего, что шестым и седьмым измерением является время [3, с. 44, 50].

Проблема взаимосвязи пространственно-временных характеристик, их относительность и в то же время их соотносительность с грамматическими категориями впоследствии будет широко разрабатываться и выйдет за пределы русского авангарда. Например, анализ соотношения между частями речи и пространственно-временными характеристиками можно найти также в рассказе Х. Л. Борхеса «Тлен. Укбар. Орбиус Терциус». В нем разрабатывается идея о некоем тайном обществе, которое создает полностью вымышленный мир. В нем отсутствует категория пространства, а его язык лишен существительных. Таким образом, мы можем вычленив следующую контаминацию - категория пространства, которая отражается в языке через существительные, и категория времени - через глагольные формы. Это наблюдение подтверждается философскими установками Успенского. Если пространство - это формальная категория познания, которая может существовать относительно присутствия в нем каких-либо предметов, то время - это своеобразное «вместилище», отвечающее за протекание каких-либо действий, которые выражаются через глаголы.

Идея реорганизации языка в области синтаксиса широко разрабатывалась в футуристических манифестах: «Мы расшатали синтаксис. <...> Мы характеризуем существительные не только прилагательными (как делали главным образом до нас), но и другими частями речи, также отдельными буквами и числами». И далее: «*Гласные мы понимаем как время и пространство (характер устремления), согласные - краска, звук запах.* <...> Давая новые слова, я *приношу новое содержание, где все стало скользить (условность времени, пространства и проч.)*» [Там же, с. 42].

Пока что изложенная идея может осознаваться человеком только на абстрактном уровне. Надежда же Успенского, а вслед за ним и русских футуристов, состоит в том, что в ходе грядущей психической революции новое понимание и осознание времени и пространства как относительных категорий станет для человека непосредственной эмпирической реальностью.

Таковы истоки некоторых теоретических установок в творчестве футуристов. Однако на практике эти идеи редко получали адекватное воплощение. Например, в творчестве Крученых стихотворений, построенных исключительно из «заумных» слов, не так уж много. С идеями Успенского его сближает, в основном, ориентация на иррациональный и интуитивный способ познания реальности, однако: «Иррациональное (заумное) нам так же непосредственно дано, как и умное» [Там же, с. 53]. Идеи Успенского о безглагольном языке отразились полнее всего в творчестве Е. Гуро. Она часто использует номинативные предложения, например: «В белом зале, обиженном папиросами / Комиссионеров, разбившихся по столам: / *На стене распятая фреска, / Обнаженная безучастным глазам.* Или: «Опять в путаницу бесконечных сумерек / Бредовые сумерки» [1, с. 70]. В следующих строчках глаголы также устраняются: «Тело вялое в постели непослушно, / Жизни блеск полупонятен мозгу».

Необходимо также рассмотреть в этом контексте и творчество В. Хлебникова. Ему была близка идея синтеза различных древних традиций, и в основе его поэзии лежит большое количество архаических религиозных и оккультных систем. В повести «Ка» (1915) - главный герой, представляющий собой, согласно египетской мифологии, тень души, волен перемещаться во времени: «Ему нет застав во времени; Ка ходит из снов в сны, пересекает время и достигает бронзы (бронзы времен)» [9, с. 524].

Кроме того, в своих творческих поисках он, как и Успенский, приходит к идее о необходимости разработки учения о новой нравственности: «Еще немного и мы построим уравнение отвлеченных задач нравственности, исходя из того, что начало «греха» лежит на черном и горячем конце света, а начало добра - на светлом и холодном. <...> Итак, в этом примере языкознание идет впереди естественных наук и пытается измерить нравственный мир» [Там же, с. 66].

При анализе той роли, которую язык играет в исследовании утопической мысли в литературе, необходимо также обратиться к примерам антиутопий. Проблема разграничения утопического и антиутопического является противоречивой. Об этом говорит хотя бы тот факт, что многие произведения, задуманные как утопические, воспринимаются последующими поколениями в совершенно противоположном ключе.

Антиутопические произведения в своем большинстве направлены против идеи унификации, которая, так или иначе, присуща любому утопическому проекту. И, конечно, язык, действующий в рамках того или иного «идеального» проекта, также служит этой унификации, и сам ей подвергается. Например, в «Мы» (1920) Е. Замятина в Едином государстве действует математический язык, строгий и не допускающий никакого субъективизма. Главный герой говорит: «Я, Д-503, строитель «Интеграла», - я только один из математиков Единого государства. *Мое привычное к цифрам перо не в силах создать музыки ассонансов и рифм*» [2, с. 12].

В антиутопии «1984» (1948) создан развернутый образ языка будущего - «новояза». Главной его доминантой является схематичность и утилитарность. Герой, работающий над 11-м словарем «новояза», говорит: «Мы уничтожаем слова - десятками, сотнями ежедневно. Если угодно, *оставляем от языка скелет*». И далее: «Возьмем, например, «голод». Если есть слово «голод», зачем вам «сытость»? «Неголод» ничем не хуже, даже лучше, потому что оно - прямая противоположность, а «сытость» - нет. Или оттенки и степени прилагательных. «Хороший» — для кого хороший? А «плюсовой» исключает субъективность» [5, с. 51].

Здесь речь идет не только об унификации языка, но и о как можно большей объективации и схематичности, противопоставленной художественному дискурсу.

Особенно же интересно для нас то, что именно субъективное и литературное повествование является в обоих указанных произведениях очагом оппозиции. Оба героя пишут свои лирические заметки, в которых и отражается вся неестественность «идеального» общества. Таким образом, становится очевидным, что противоречивая природа утопических произведений, прежде всего, связана с проблемой унификации, которой противостоит художественное творчество как таковое.

Рассмотрение лингвистических утопий оказывается необходимым этапом в исследовании утопических произведений в литературе. Язык, функционально тесно связанный с мышлением, оказывается наиболее очевидным отражением тех или иных идейных особенностей утопического проекта. В практике русских футуристов это отразилось с одной стороны в собственно языковых проектах, направленных на создание универсального языка с акцентом на формальной стороне слова, а с другой - в онтологической разработке проблемы относительности времени и пространства и психической эволюции человека, которая неразрывно связана и с эволюцией языка. На практике эти идеи не получили адекватного воплощения в творчестве футуристов, однако, исследование указанных проблем позволяет более полно анализировать природу утопического в литературе в целом.

Список литературы

1. Гуро Е. «В белом зале, обиженном папиросами...» // Русский футуризм: теория, практика, критика, воспоминания / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. М., 1990.
2. Замятин Е. Мы: роман; рассказы; эссе. М., 2002.
3. Крученых А. Новые пути слова // Русский футуризм: теория, практика, критика, воспоминания / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. М., 1990.
4. Малевич К. Малевич о себе. Современники о Малевиче: письма, документы, воспоминания, критика: в 2-х т. М., 2004. Т. 1.
5. Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М., 1989.
6. Сахно И. М. Русский авангард. М., 1999.
7. Успенский П. Д. Tertium Organum. Ключ к загадкам мира. М., 2000.
8. Хлебников В. В. Наша основа // Русский футуризм: теория, практика, критика, воспоминания / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. М., 1990.
9. Хлебников В. В. Творения. М., 1986.
10. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.
11. Янгфельдт Б. Роман Якобсон: заумь и дада // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре / ред. Л. Магаротто, М. Марцадури, Д. Рицци. Берн, 1991.

UTOPIAN PROJECTS IN THE PRACTICE OF THE RUSSIAN LITERARY AVANT-GARDE

Galina Dmitrievna Susloparova

Department of the XXth Century Russian Literature History
Moscow State University named after M. Lomonosov
gmihailova@mail.ru

The article tackles the problem of the development of utopian language projects in the literary practice of the Russian futurism. The author proves the connection between the manifests of A. Kruchenyh, V. Hlebnikov, V. Mayakovskiy, D. Burlyuk and others and P. D. Uspenskiy's philosophical guidelines ("Tertium Organum. The key to the world mysteries") and other theories connected with the relative character of space and time. Also the interconnection between the poetics of these authors and the utopian projects in the sphere of philosophy and language is considered.

Key words and phrases: linguistic utopia; utopia in futurism; A. Kruchenyh; futurism; V. Hlebnikov; R. Jakobson; P. D. Uspenskiy; Russian literary avant-garde.